



ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ  
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК им. Ч.Э. АХРИЕВА



К 100-ЛЕТИЮ ИНГУШЕТИИ

# ВЕСТНИК

Ингушского научно-исследовательского  
института гуманитарных наук  
им. Ч. Э. Ахриева

**№ 2 / 2024**

Научный журнал  
Выходит два раза в год

МАГАС – 2024

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

### ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**Б. М.-Г. Харсиев**

канд. филос. наук, зав. отделом истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева

### ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

**Х. Р. Хайрова**

канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела ингушского языка, редактор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева

### ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

**С. И. Аккиева**, д-р ист. наук, КБИГИ КБНЦ РАН (Нальчик)

**Ф. Ю. Албакова**, д-р филос. наук, проф., ректор ИнГУ (Магас)

**М. С.-Г. Албогачиева**, д-р ист. наук, МАЭ РАН (Кунсткамера) (Санкт-Петербург)

**С. И. Алиева**, д-р ист. наук, проф., Азербайджанский государственный педагогический университет (Азербайджан)

**Т. Ш. Биттирова**, д-р филол. наук, ИнгНИИ, КБИГИ КБНЦ РАН (Нальчик)

**А. М. Гутов**, д-р филол. наук, КБИГИ КБНЦ РАН (Нальчик)

**З. Дж. Джапуа**, д-р филол. наук, проф., академик АН РА (Республика Абхазия)

**А. М. Казиева**, д-р филол. наук, проф., ПГЛУ (Пятигорск)

**П. А. Кузьминов**, д-р ист. наук, проф., КБГУ (Нальчик)

**М. М. Магомедханов**, д-р ист. наук, ИИАиЭ ДФИЦ РАН (Махачкала)

**А. М. Мартазанов**, д-р филол. наук, проф., ИнГУ (Магас)

**А.Д. Осмаев**, д-р ист. наук, член-корр. Академии наук Чеченской Республики (Грозный)

**М. Г. Цароева**, д-р этнологии, д-р истории религий (Франция)

**М. Ю. Чотчаева**, д-р филол. наук, проф., директор СГПИ (Ессентуки)

### РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**Д.Э. Оздоев**, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

**З. М.-Т. Дзарахова**, д-р ист. наук, зам. директора по научной работе ИнгНИИ

**Л. Т. Агиева**, канд. филос. наук, ученый секретарь ИнгНИИ

**Л. Я. Арапханова**, канд. полит. наук, зав. отделом ингушской этнологии ИнгНИИ

**Л. Р. Барахоева**, канд. экон. наук, зав. отделом социально-политических исследований ИнгНИИ

**З. Х. Киева**, д-р филол. наук, зав. отделом ингушского языка ИнгНИИ

**М. А. Матиев**, канд. филол. наук, проф. ИнГУ, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора ИнгНИИ

**Т. Х. Матиев**, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Ингушетии ИнгНИИ, зав. кафедрой истории ИнГУ

**Х. А. Накостоев**, зав. отделом ингушской литературы ИнгНИИ

**Л. У. Тариева**, д-р филол. наук, проф. ИнГУ, ведущий научный сотрудник отдела ингушского языка ИнгНИИ

Редакционная коллегия журнала не несет ответственность за содержание публикуемых статей. Ответственность за содержание публикации, достоверность приводимых в статье результатов несут авторы. Мнение автора статьи и редколлегии может не совпадать.

Все материалы, присланные в Редакцию, рецензируются и в случае отрицательной рецензии не публикуются и не возвращаются. Редакция журнала не вступает в переписку с авторами по вопросу отклонения статей.

Все вопросы, связанные с формированием редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также вопросы реализации редакционной политики принимаются главным редактором.

*В журнале публикуются результаты научных исследований сотрудников Ингушского научно-исследовательского института, а также статьи ученых, аспирантов, докторантов и соискателей иных научных учреждений как Российской Федерации, так и зарубежных стран. Статьи проходят обязательное рецензирование.*

*К публикации принимаются оригинальные работы, не нарушающие авторские права третьих лиц.*

## ЮЖНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ЗАПАДНОКАВКАЗСКОЙ ОБЩНОСТИ: КАВКАЗСКО-АНАТОЛИЙСКИЙ УЗЕЛ АБХАЗО-АДЫГСКОЙ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

*Д. А. Канделаки*

**Аннотация.** В статье рассматривается проблема ранних этапов этногенетической истории западнокавказской (абхазо-адыгской) общности. Обсуждаются гипотетические сценарии развития этих процессов, хронологически связанные с эпохами неолита и раннего энеолита. Исторически самые ранние истоки этногенеза западнокавказской общности анализируются в контексте самой ранней истории населения Кавказско-Анатолийско-Загросского региона. Автор полагает, что именно здесь, в местах ранних очагов неолитизации, разворачивалась ранняя этногенетическая история первых носителей западнокавказских языков после выделения отдельных ветвей китайско-кавказской макросемьи.

**Ключевые слова:** китайско-кавказская макросемья, кавказская языковая семья, западнокавказское сообщество, абхазо-адыгские языки, хатти, восточнокавказское сообщество, хурриты, колхидский рефугиум, Восточное Причерноморье, Кавказ, Анатолия, Эгеида, баски, мегалиты, дольмены, неолит, энеолит, дриасы.

## THE SOUTHERN PERIPHERY OF THE WEST CAUCASIAN COMMUNITY: THE CAUCASIAN-ANATOLIAN NODE OF THE ABKHAZ-ADYGIAN ETHNOGENETIC PROBLEM

*D. A. Kandelaki*

**Abstract.** The article deals with the problem of the early stages of the ethnogenetic history of the West Caucasian (Abkhaz-Adyghe) community. Hypothetical scenarios for the development of these processes are discussed, chronologically related to the Neolithic and Early Eneolithic eras. Historically, the earliest origins of the ethnogenesis of the West Caucasian community are analyzed in the context of the earliest history of the population of the Caucasian-Anatolian-Zagros region. The author believes that it was here, in the places of the early centers of neolithization, that the early ethnogenetic history of the first speakers of Western Caucasian languages unfolded after the separation of separate branches of the Sino-Caucasian macrofamily.

**Keywords:** Sino-Caucasian macrofamily, Caucasian language family, West Caucasian community, Abkhaz-Adyg languages, Hatti, East Caucasian community, Hurrians, Colchian refugium, Eastern Black Sea region, Caucasus, Anatolia, Egeida, Basques, megaliths, dolmens, Neolithic, Eneolithic, Dryas.

Западнокавказская этногенетическая общность ныне представлена в пределах современного Черноморского побережья Кавказа и Северо-Западного Кавказа, и ее носители говорят на абхазо-адыгских языках. Термин же западнокавказская общность имеет, по мнению автора, более расширительное толкование, подразумевая тот факт, что ныне представленные народы – носители современных абхазо-адыгских языков – представляют собой лишь современный ее географический и хронологический срез.

Западнокавказская этногенетическая общность, разумеется, на всем протяжении своей истории развития была представлена несравненно еще большим количеством своих членов, звеньев и групп в нее входивших.<sup>1</sup>

Западнокавказская этногенетическая общность в раннем состоянии была представлена большим количеством своих древних членов. Сюда входили народы – носители многочисленных абхазо-адыгских языков, издревле расселённые на Северо-Западном Кавказе и на Черноморском побережье Кавказа, включая сюда и области Колхидской низменности в Западной Грузии. Вероятно, области Южного Причерноморья, то есть Черноморское побережье Турции в области Западно- и Восточнопонтских гор были заняты многочисленными группами населения, говорившими на каких-то древних реликтовых языках западнокавказского строя. Позднее зафиксированные каскейские племена, очевидно, являются более поздним отражением этих реликтовых южнопричерноморских групп западнокавказского населения, которые непосредственно входили в состав абхазо-адыгской группы языков, либо составляли отдельную группу в составе западнокавказской общности.<sup>2</sup> Следующий купный массив, который следует считать исторически самым ранним из зафиксиро-

ванных народов и языков западнокавказской общности, – это хатты.<sup>3</sup> Вне всякого сомнения, отдельные представители западнокавказского мира должны быть отмечены не только в областях Причерноморья Анатолии и Кавказа. Несомненно, ряд памятников материальной культуры и данные в области исследования протописьменных систем, а также ряд топо-ономастических реалий допускают следы присутствия представителей западнокавказского этноязыкового мира в ряде областей Восточного Средиземноморья и Эгеиды. В качестве осторожных высказываний мы как будто бы фиксируем эти следы наличием памятников дольменной, а шире мегалитических культур в областях Средиземноморья и на Кавказе,<sup>4</sup> наличием ряда систематических следов в топонимии и гидронимии Эгеиды, субстратных слоев в языках более позднего индоевропейского уровня на Балканах, а также материковой и островной Греции<sup>5</sup> [6; 7; 8; 10]. С точки зрения классификации, отражающей процессы этногенеза, абхазо-адыгские языки традиционно образуют группу языков в составе более высокого

<sup>1</sup> С учетом уже установленных приблизительных географических границ, в рамках которых разворачивались основные этапы этногенетической истории этой общности на самых ранних хронологических этапах, целесообразно применять к этой общности термин «Восточнопричерноморская» или «Восточнопонтская» общность, что не будет в принципе ошибкой. Тем более, что данные широкого круга источников симптоматично, если даже не однозначно, свидетельствуют, что самые ранние этапы этногенетической истории этой общности разворачивались в областях, приуроченных к побережью Черного моря [13].

<sup>2</sup> Тезис о том, что каски появляются в Южном Причерноморье только в XVII в. до н. э. в корне не верны. Правильнее сказать, что в период хеттской экспансии на север хетты впервые столкнулись с ними в вышеозначенный период и зафиксировали этот конгломерат южнопричерноморских племен, вероятно, входивший в состав западнокавказского этногенетического мира [22].

<sup>3</sup> При этом не следует забывать, что, говоря о хаттах, мы ведем речь лишь об осколке более обширной группы народов и языков, от которых на территории древней Анатолии более или менее надежно фиксируются только хатты.

<sup>4</sup> Речь в данном случае идет о несомненном контакте населения Причерноморья и Средиземноморья, иначе невозможно объяснить наличие общей концептуальной идеи строительства мегалитов, которое было возможно лишь при наличии торговых и экономических контактов [10].

<sup>5</sup> Автор, конечно, не может дать критический обзор этим работам и полностью исходит из данных той лингвистической литературы, которая ему доступна и известна. Здесь следует особенно подчеркнуть афразийско-севернокавказские языковые связи. Такие следы западнокавказского круга отчетливо фиксируются с языками афразийской макросемьи, в частности, в языках ливийско-гуанчской семьи, контакты с которыми могли быть приурочены к областям Восточного Средиземноморья. Вопреки тому, что эти связи по данным языков, выглядят дискуссионными, следует заметить, что они как будто бы подтверждаются данными общенационального характера в контексте ранних транссредиземноморских контактов периода энеолита и бронзы [11, с. 17].

таксономического ранга, именуемую северокавказской / севернокавказской / кавказской языковой семьей. В свете новейших научных исследований данная классификация не ограничивается только этим уровнем, и здесь выделяют таксономический уровень более высокого порядка, который включает кавказскую и близкие ей языковые семьи в состав более обширного объединения, именуемого сино-кавказская макросемья языков. Иногда в нее включают языковую семью на-дене, и эту общность именуют дене-кавказская макросемья языков. Вне зависимости от того, как лингвисты-компаративисты группируют таксономические кластеры внутри этой макросемьи, она является не субъективной конструкцией в их умах, а объективным результатом эволюции обширной группы языков с общей исторической судьбой ее реальных носителей на самых ранних этапах ее формирования [18, с. 20].

Несомненно, классификационное положение западнокавказской этногенетической общности в составе этой макросемьи позволяет нам говорить, что на самых ранних этапах этногенеза они разделяли общую историческую судьбу с остальными носителями сино-кавказской макросемьи языков. Однако решение данного вопроса напрямую зависит от того, какое место в классификационной схеме сино-кавказской макросемьи языков занимает западнокавказская общность, что зависит от таксономического статуса западнокавказской этногенетической общности в языковых классификациях. С учетом исторического факта несравненно большего числа носителей языков западнокавказской общности, входивших, как предполагают специалисты, в ее состав в прошлом, и большего ее географического охвата, целесообразнее рассматривать эту общность не в качестве группы, а в качестве отдельной западнокавказской семьи языков. В принципе это не противоречит результатам языковой классификации кавказских языков, утвердившейся

в современной науке, так как сохраняется при этом тесная генетическая связь с ее сестринской восточнокавказской ветвью. Однако дискуссионным остается вопрос: входят ли обе эти ветви – западнокавказская и восточнокавказская – равноценно в состав кавказской языковой семьи, что должно подтверждаться генетическим родством и близостью праязыков обеих групп, или это родство является приобретенным. Если верен первый тезис, то таксономический статус их понижается до уровня языковых групп в составе кавказской языковой семьи. Если же верен второй тезис, то есть веские основания рассматривать их в качестве отдельных языковых семей, которые напрямую отдельными ветвями входили в состав сино-кавказской макросемьи языков. Последний сценарий как будто бы находит подтверждение тем неоспоримым фактом, что наиболее архаичные и древнейшие зафиксированные в истории языки, такие как хаттский и хурритский, которые хронологически являются наиболее ранними представителями этих ветвей, не обнаруживают сближений будучи генетически не родственными [6, с. 20]. Данный факт выглядит странным и вступает в противоречие с принципами генеалогического родства и соподчинения, так как будучи очень архаичными они должны наиболее тесно располагаться друг к другу как близкородственные на языковом генеалогическом древе.

Для разрешения данного аспекта проблемы автором предложена своя модель, которая разрешает данное противоречие в классификационном и таксономическом статусе западнокавказской общности. Ключ к разрешению данного вопроса однозначно лежит в понимании того, что глоттогенетические генеалогические модели древа, в котором представлен принцип «отпочковывания отдельных звеньев от предковой основы», отражает лишь глоттогенетические модели. В этногенезе, где в сложении древних народов задействованы разные компоненты, этноге-



нетические процессы носили иной характер. Нами предложен ряд основных этногенетических сценариев этих процессов, которые заложили основу этногенетической эволюции будущих западнокавказских народов. Их суть сводится к следующему. Процесс ранних этапов сложения носителей западнокавказских языков как основы, по сути, западнокавказской этногенетической общности, представляет собою локальный «мультирегиональный» сценарий гибридизации древних языков и их носителей, восходящих генетически к популяциям древних сапиенсов позднего неоплейстоцена, а в эпоху голоцена, когда происходили кардинальные перестройки всей системы жизнеобеспечения, шел процесс активной кристаллизации будущих языков западнокавказского круга. Разворачивались эти процессы в областях, прилегающих к Восточному Причерноморью, в областях Колхидского рефугиума. Процесс этого древнего этногенетического сценария сохранил свои следы одинаково в праязыковых состояниях современных абхазо-адыгских языков, в которых отражены периоды перехода их древних предков к формам производящего неолитического хозяйства, а чуть позже и переходу к ранним формам металлургии [10].

Таким образом, хронологически процесс этот падает на период раннего голоцена, когда путем локальной внутренней этногенетической динамики в областях, прилегающих к побережью Восточного Причерноморья, шла эволюция сложения западнокавказской общности. Насколько они получают понимание или даже признание в науке, покажет время, однако основные вопросы, поднимаемые в этих работах, весьма актуальны.<sup>1</sup> В этой связи особый интерес представляет рассмотрение тех географических очагов, которые приурочены к южной периферии западнокавказской общности, охватывающей обла-

сти Южного Причерноморья и Центральной Анатолии, что интересно в контексте непосредственной их территориальной близости к передовым культурным центрам Ближнего Востока.

Одной из важнейших проблем для решения вопроса раннего этногенеза абхазов играют данные о родстве абхазо-адыгских народов с древними народами Южного Причерноморья, Северо-восточной и Центральной Анатолии, среди которых центральное место занимает так называемая хаттская проблема. Рассмотрению этой проблемы в науке уделялось большое внимание и имеется обширная историография [1; 2; 3; 4; 5; 7; 11; 12; 17; 19]. При всей активно развернутой в историографии проблемы родства хаттского языка с языками западнокавказского круга, последняя остается до конца не изученной, основной причиной этого является слишком фрагментарный характер источников по истории, языку и культуре этого народа.<sup>2</sup> Исследование языка и культуры хаттов, насчитывающее не одно десятилетие, дает нам все больше веских оснований относить этот древний народ к кругу народов и языков абхазо-адыгской группы. В истории изучения хаттской проблемы сложился тезис о том, что родство хаттского языка с абхазо-адыгскими дает основание рассматривать хаттов в качестве неких предков. Можно считать обоснованным мнение, что этногенез хаттов завершился еще как минимум за полторы две тысячи лет до его исторической фиксации во II тыс. до н. э., то есть в период энеолита, что сопоставимо с хронологической границей периода распада кавказской языковой семьи. Тем самым хаттский следует рассматривать в качестве самого раннего обособившего-

<sup>1</sup> Данный тезис автор попытался развернуть в одной из своих работ [10].

<sup>2</sup> Если даже лингвистическая структура и природа хаттского языка в целом уже известна, то проблема генетического положения хаттского языка считается до сих пор не более чем гипотезой. Известны не более трехсот хаттских слов, из которых лишь двести более или менее поддаются анализу [11].

ся из состава западнокавказской общности звена. Доказательством этого следует считать то, что в хаттском фиксируется ряд металлургических терминологий, в частности, слово «железо», которое заимствовано из общеабхазо-адыгского языкового состояния, когда они составляли единое целое.<sup>1</sup> В одной из своих работ мы постарались убедительно показать, что процесс этногенеза хаттов выглядит очень сложно и представлял собою сложный и длительный симбиоз культурных традиций древних неолитических насельников Передней Азии в период неолитической революции. Хатты – это лишь один из представителей незафиксированной исторически большой группы древних родственных народов и языков, которую можно условно назвать гипотетической хаттской группой в составе западнокавказской общности. Сегодня хатты, как указывалось выше, могут рассматриваться как свидетельство самой по хронологическому уровню ранней фиксации представителей западнокавказского этногенетического мира [7]. Хаттская общность, вопреки утверждениям специалистов, не является предковой по отношению к абхазо-адыгским народам, а является лишь равноценным представителем, который хронологически сосуществовал с абхазо-адыгскими народами [7]. На основе изложенного выше, сегодня можно представить следующую модель классификационного статуса хаттского языка. Исходя из тех пока очень скудных

<sup>1</sup> Термин «железо» унаследован в хаттском языке из периода празападнокавказского состояния. Не исключено, что термин «железо» перешел в хаттский язык в период их продвижения к Черному морю, где жившие здесь носители абхазо-адыгских языков познакомили хаттов с этим металлом. Хронологические рамки этого процесса, несомненно, не позже IV тыс. до н. э. Однако такое утверждение автор предполагает лишь гипотетически. Однозначно в этот период речь может идти только лишь об его использовании в качестве украшений и отдельных предметов. Если уже и обладали древние абхазо-адыги и хатты навыками черной металлургии, то технология эта оставалась очень узкокорпоративной, не выходя за рамки этих обществ на протяжении тысячелетий.

данных лингвистики, допустимо несколько схематических моделей. Первая из них допускает включение хаттов непосредственно в состав западнокавказской общности. При этом хаттский язык будет выступать как наиболее рано выделившийся из ее состава. Здесь допустима тогда следующая динамическая модель. Примерно в конце V – начале IV тыс. до н. э. из празападнокавказского выделяется хаттская ветвь носителей многочисленной группы языков, от которой исторически зафиксирован только хаттский язык, а оставшаяся, еще нерасчлененная ее абхазо-адыгская ветвь, обособленно сосуществует с хаттской ветвью. Другая модель допускает вхождение хаттов в состав севернокавказской семьи в качестве отдельной ветви, но ближе стоящей к западнокавказской ветви, нежели к восточнокавказской, с учетом очевидного факта отсутствия генетической связи между хурритским, восточнокавказскими языками и языком хаттов. И, наконец, в свете новейших исследований можно допустить вероятность включения хаттского языка в состав сино-кавказской макросемьи в качестве отдельной ветви<sup>2</sup> [11, с. 12]. Изложенные выше варианты, конечно же, должны решаться специалистами лингвистами, и какой из вариантов окажется верным, покажут будущие исследования. Однако они показывают, что освещение наиболее ранних этапов этногенеза представителей западнокавказской общности и, в частности, представителей ее южной периферии, следует в контексте исторических судеб носителей сино-кавказской макросемьи, и непосредственно представителей ее западно-сино-кавказской ветви периода раннего

<sup>2</sup> В случае такого подхода хаттская ветвь должна располагаться где-то между Енисейской (а если с енисейским сближать бурушаский, которые вместе образуют верикшскую ветвь) и Севернокавказской ветвями. Тем самым хаттская может занимать промежуточное положение, тем более что хаттский наиболее удален от сино-тибетского кластера. Рассматривать эти процессы следует периодом примерно VIII – VII тыс. до н. э. [11, с. 12].

голоцена.<sup>1</sup> Именно в этот период, когда шло формирование древних неолитических центров на Ближнем Востоке, в непосредственной близости к центрам Анатолии и Кавказа и разворачивались основные процессы этногенетической истории, представляющие для нас интерес, так как, несомненно, создателями ранних земледельческих центров Кавказо-Анатолийско-Загорского макрорегиона были древние представители западной ветви сино-кавказской макросемьи языков.<sup>2</sup>

Именно с хронологическими и географическими рамками неолитизации мы должны связывать сложения древних представителей западнокавказской общности, в том числе и ее южной периферии. В порядке рабочей гипотезы можно представить следующий гипотетический сценарий. После природно-климатических событий на границе позднего дриаса и пребореала идет активный процесс сложения неолитических ближневосточных

центров. Хронология и география памятников отчётливо показывает расселение ближневосточных земледельцев, носителей западной ветви сино-кавказской макросемьи языков. Особенно активными они становятся в период климатического максимума, когда освобождаются крупные озерные водоемы в центральной Анатолии, и древние неолитические земледельцы начинают уже активное освоение этих территорий. Тем самым в период неолитизации Кавказо-Анатолийско-Загорский макрорегион охватывает активный процесс обособления и последующего сложения новых общностей, когда в этом регионе из состава сино-кавказской макросемьи выделяется западно-сино-кавказская или баско-кавказская ветвь.<sup>3</sup> По данным культурной лексики, в сопоставлении с данными материальной культуры этому процессу соответствует круг Анатолийско – Северомесопотамско – Загорских раннеолитических культур и в первую очередь культур типа Чейюню-тепе и Гебекли-тепе, с которыми мы связываем, с одной стороны, истоки ранней металлургии и раннего мегалитизма.<sup>4</sup> В качестве предположения можно допустить, что в период разделения Западно-сино-кавказского кластера в VI тыс. до н. э. происходит выделение Прабаскской общности, в лице которой шла экспансия традиций мегалитизма и неолитизации в области Средиземноморья. Эти процессы связаны с экспансией неолитического населения по европейскому побережью Средиземного моря и археологи-

<sup>1</sup> При этом существуют ряд работ, авторы которых упорно постулируют идею кругового черноморского пути миграции ранних носителей северокавказских языков из областей Карпато-Балкан через Северное Причерноморье и затем на Кавказ, что, на наш взгляд, выглядит маловероятным. В лучшем случае мы согласны, что со всей очевидностью экспансия неолитических хозяйственных навыков действительно осуществляли какие-то древние реликтовые сино-кавказские или конкретнее прабаскские и прасеверокавказские группы населения. В случае басков тогда допустим процесс их расселения в Средиземноморье, а в случае с северокавказцами следует тогда говорить о несохранившихся до наших дней каких-то иных групп населения, говоривших на этих языках в Балкано-Карпатском регионе в период конца неолита и начала энеолита.

<sup>2</sup> Вопрос о том, к каким общностям причислять древних создателей неолитической экономики в области «Плодородного полумесяца» достаточно сложен. В порядке некоторой осторожной интерпретации данных лингвистики и археологии допустима следующая картина. В Левантийском макрорегионе это были, со всей очевидностью, носители праафразийских языков, на севере и северо-западе Анатолийско-Северомесопотамском макрорегионе это были древние племена, носители традиций сино-кавказских языков, во всяком случае ее западной ветви, в восточном Загорско-Иранском макрорегионе это должны были быть древние реликтовые языки эламо-дравидийского круга [3, с. 20].

<sup>3</sup> Вероятнее всего, к этой же группе должна очень отдаленно примыкать и группа населения древних шумеров. Последние исследования шумерского языка все-таки позволяют относить шумеров к сино-кавказской макросемье.

<sup>4</sup> Если верна точка зрения о родстве баскского и северокавказского, то допускается модель нескольких очагов существования этого единства. Здесь может быть очаг Северомесопотамско-Анатолийский с включением круга культур типа Гебекли-тепе и Чейюню-тепе и вероятно Чатал-Гююк. Другой вариант допускает этот очаг, например, в Эгеиде, раннеолитические культуры которой своим генезисом, несомненно, связаны с Анатолийскими центрами неолитизации.



чески связаны с распространением культуры известной как «Импрессо», или культуры «Кардиальной керамики». Здесь же следует отметить, что миграция могла уже происходить и вдоль берега по морю даже в неолите. В этот же период началась активная миграция населения на юг в Месопотамию. Это и были древние предки общины, говорившие на шумерском языке. Все больше фактов говорят о том, что шумеры очевидно пришли из горных областей. С учетом вероятных, но очень отдаленных связей с носителями сино-кавказских языков, допустим сценарий импульса протошумеров из горных областей Переднеазиатских нагорий или Анатолийского Тавра. Несомненно, шумеры не были первым населением в Месопотамии, и им предшествовал протошумерский, так называемый «банановый» субстрат и, вероятно, какой-то реликтовый эламо-дравидийский, который достигал областей вплоть до Восточной Анатолии и даже Южного Причерноморья. Кстати, данные о явно западном очаге генезиса эламо-дравидийской общности как будто бы подтверждаются комплексом данных о распространении навыков производящей неолитической экономики с западных областей Передней Азии в сторону полуострова Индостан в период активной миграции протодравидов на восток. Вероятно, дравидийская семья вообще может рассматриваться в статусе макросемьи. В этом смысле интересно наличие крайне скудных, но все-таки имеющих место следов контактов дравидийских народов с древними реликтовыми обитателями областей Загроса, коими, несомненно, должны были быть какие-то древние представители западно-сино-кавказской ветви языков. В период экспансии дравидов на восток в Индостан и на север в сторону Средней Азии они раскололи древнюю сино-кавказскую общность. Несомненно, что более ранние хронологические уровни периода плейстоцена допускают здесь в Передней Азии еще более древние субстраты, очевид-

но, языков, близко стоящих к австро-тайской, австралийской и папуасской макросемьям, которые практически совпадают по хронологии с процессами экспансии сапиенсов в Евразии при его первоначальном продвижении вдоль северного побережья Индийского океана [14; 15; 17; 18; 20; 21].

С этого момента разделенные исторической судьбой кавказская и баскская общности существуют уже самостоятельно. Примерно в период конца неолита происходит обособление основных звеньев северокавказской семьи, и обособление это происходит не путем отпочковывания, как это выглядит на генеалогических лингвистических древах. Процесс этот связан с интенсивностью контактов групп населения, различного по своему генезису. В пределах Восточнопричерноморской зоны эти группы имели наиболее интенсивную степень контактов, что приводило к смешению разнородных культурных и языковых традиций с их дальнейшей кристаллизацией и формированием однородной линии диалектов и языков западнокавказского круга. Сформировавшись на месте, они сохранили общий реликтовый праязыковой пласт, одинаковый во всех известных как ныне сохранившихся, так и уже мертвых языках западнокавказской общности. В этих языковых пластах фиксируются следы тех эпох, в которых можно распознать как хронологические рамки, так и природное окружение, а также культурный и хозяйственный облик древних народов западнокавказского круга. Несомненно, во всех них сохранились следы окружающей природы, характерной для Восточного Причерноморья, а культурная лексика рисует нам портрет такой общности, которая формировалась в период неолита и начала знакомства с металлами. Интенсивность контактов между отдельными группами также выразилась в формировании здесь в областях Восточного Причерноморья тех антропологических признаков, которые позволяют выделить так называемый «пон-

тийский» антропологический тип. Вхождение этого типа в состав более крупной таксономической антропологической единицы, такой как «балкано-кавказская» раса, еще раз очерчивает основные пространственные и временные векторы более отдаленных этногенетических связей и процессов, которые также географически разворачивались в областях «Большого Причерноморья». Пространственно-хронологическое наложение друг на друга в пределах единого географического очага причинно не связанных культурно-исторических, экономических, языковых и антропогенетических компонентов создало этногенетическую интерференцию наложения в рамках единого экологического

очага. Тем самым отдельные элементы, составляющие собственно процесс этногенеза, привели к динамике постоянного наложения признаков один на другой в пределах одной зоны, сформировав облик древних и современных народов западнокавказской общности. На современном этапе эта общность представлена небольшим осколком древнего этно-лингво реликта, коим и остается группа народов, носителей абхазо-адыгских языков, которые в своем расселении и поныне тяготеют к Восточнопричерноморскому и Западно-Кавказо-Анатолийскому Колхидскому рефугиуму, где, собственно, и разворачивались древнейшие этапы этногенетической истории этих народов.

### Литература и источники

1. Ардзинба В.Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Переднеазиатский сборник 3. История и филология стран Древнего Востока. – М.: Наука, 1979. – С. 26–37.
2. Браун Ян. Хаттский и абхазо-адыгский (Hattian and Abasgo-Kerketian). // Rocznik Orientalistyczny 49 (1994). – Р. 15–23.
3. Дьяконов И. М. О языках древней Передней Азии // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 43–64.
4. Дунаевская И. М., Дьяконов И. М. Хаттский (протохеттский) язык // Языки Азии и Африки. Т. 3. – М.: Наука, 1979. – С. 79–83.
5. Иванов В.В. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским // Древняя Анатолия. – М., 1985. – С. 26–59.
6. Канделаки Д. А. Ранние этапы этногенеза западнокавказской (абхазо-адыгской) общности эпохи камня и палеометалла // Сборник материалов научных статей Национального Музея Республики Адыгея. Вып. V. – Майкоп, 2014. – С. 14–27.
7. Канделаки Д.А. Хатты. Локализация. Идентификация. Хронология // Научное наследие Ф. А. Щербины: казачество и история Кавказа. – Краснодар, 2016. – С. 51–70.
8. Канделаки Д.А. У истоков этногенеза абхазо-адыгов // Материалы VI Абхазской международной археологической конференции, посвященной археологу-кавказоведу Л. Н. Соловьеву. «Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур». – Сухум, 2017. – С. 37–54.
9. Канделаки Д. А. Новые данные в пользу автохтонной теории этногенеза абхазов. Абхазоведение // Археология. История. Этнология. К юбилею ученого – О. Х. Бгажба 80 лет. Вып. 12. – Сухум, 2022. – С. 241–247.
10. Канделаки Д. А. Дольмены Абхазии: конвергенция или миграция идеи? (Кавказско-Средиземноморский узел абхазо-адыгской этногенетической проблемы). В порядке рабочей гипотезы // Традиционные культуры народов России: вопросы изучения и сохранения. Сбор-

ник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 13 апреля 2023 г. – Краснодар, 2023. – С. 52–69.

11. Касьян А. С. Хаттский язык // Языки мира: Реликтовые языки Передней Азии. – М.: Academia, 2010. С. 168–184.

12. Касьян А. С. Лексические контакты хаттского языка. // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XIV. Материалы чтений, посвящённых памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 21–23 июля 2010 г. Часть I. – СПб: Наука, 2010. – С. 445–475.

13. Климов Г. А. Абхазо-адыгские этимологии. I. (исконный фонд). // Этимология, 1965. – М.: Наука, 1967. С. 296–306.

14. Козинцев А. Г. О прародине носителей евразийских языков // В поисках неслучайной изменчивости. Сборник статей в честь 90-летия Генриетты Леонидовны Хить / ред. И. Г. Ши-робоков. – СПб: Нестор-история, 2020. – С. 142–170.

15. Козинцев А. Г. Дене-кавказская макросемья: лексикостатистическая классификация и прародина // Этнография. – 2023. – №3 (21). – С. 45–67.

16. Миллитарев А. Ю., Старостин С. А. Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М.: Наука, 1984. – С. 34–43.

17. Николаев С. Л., Старостин С. А. Севернокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М.: Наука, 1984. – С. 26–34.

18. Старостин С. Н. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и севернокавказскими языками // Труды по языкознанию. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 265–282.

19. Старостин С. Н. Культурная лексика в общесевернокавказском словарном фонде // Труды по языкознанию. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 289–311.

20. Халиков А. Х. Уральцы и дравидийцы на севере Центральной части Евразии // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания. 19–22 апреля 1993 года. – Екатеринбург, 1993. – С. 208–213.

21. Чирикба В. А. Баскский и Севернокавказские языки // Древняя Анатолия. – М.: Наука, 1985. – С. 95–105.

22. Шелестин В. Ю. Палайцы и каски на хеттской периферии в XVI–XV вв. до н. э. // XVII Сергиевские чтения. – М., 2011. – С. 97–106

